

сына Бударина, у Абрама Мартемьянова сына Бродина и у Ивана Федорова сына Баннаго, по фальшивому паспорту под именем Потапа Крашенинникова по март месяц сего года. А из Уральска с братом своим родным Маркелом, из военной службы бежавшим, прежде его, Тимофея, в Уральск пришедшим, да сверх того еще с четырьмя товарищами, откуда они родиною — ему неизвестны, всего в шести душах, пошли в марте месяце для плотничной работы в город Гурьев. Которым в дороге, не доходя 15 верст фарпоста Привор[от]ного, попались в виде разбойников на лошадях шесть человек похожие на запорожцов, вооруженные, у коих имелись ружья, сабли и пистолеты, а лошадей у каждого по две. (Л. 5 об.) И по поимке его, Тимофея Грошева, с товарищи, посадя на свои лошади, увезли мимо Гурьева степью к своей станции у Каспийского моря лежащей, называемой Черни. А оттуда перевезены уже на киргискую сторону в лотках бежавшими из Урала прошлой осени татарами и доставлены в станцию, называемую Ембу. Где теми татарами представлены были по примечанию его Грошева к какому то козаку (которой росту средняго, лицом бел с рябинами, волосы ж вокруг подрезанные, на голове и на бороде черные, глаза карие, нос с горбом орлиной), называемому теми татарами именем якобы покойнаго Петра Федоровича. Который, вышед из палатки к нему, Грошеву, с товарищи, подал руку, которую с приказания предстоявшего при нем какаго-то казака целовали. И пробыли при сей станции дней шесть. При коем самозванце находится людей из русских сот до двух, живут на острове в шалашах из камышу поделанных, вооруженные ружьями, саблями и копьями. И при палатке две медныя небольшие пушки. Где будучи, слышал он, Грошев, что тот самозванец намерен будущаго 1790 года осенью, умножа силу, войти ночью в Оренбург. О чем он, Грошев, узнав, старался всячески уйти. И с двумя товарищами его, Васильем и Яковом Васильевыми, оставя своего брата и прочих двух товарищей, бежали. И по побеге он, Грошев, явился у Камышинскаго коменданта Панчулидзева с таковым же показанием по увещанию тамошняго протопопа, по имени и прозванию ему неизвестнаго, к коему приходил с просьбою (Л. 6) о отпетии молебна. А оные Васильевы остались в болотных местах Комыш Самары у кочующих тамо разных беглых людей, называющихся старцов, которые ему, Грошеву, объявили, что ежели они за побегу прощены будут, и исходатайствует он, Грошев, в том высочайший указ, то они с собратиею готовы, когда повелено будет, итти в воинскую службу и того самозванца при данной им команде поймают и представят. Который допрос ему, Грошеву, читан неоднократно даже и в присутствии его высокопревосходительства господина генерала порутчика и кавалера Василья Алексеевича Черткова. И он, Грошев, на сем допросе утвердился, сказывая, что точная то правда, и что он жизнию в том отвечает.

Читал с подлинным секретарь Василей Антонов.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2751. Л.5-6. Копия.

К.И.Зубков

КАК РОЖДАЛАСЬ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО ХАРТЛЭНДА

В ряду многих известных — и менее известных — имен, с которыми на рубеже XIX—XX вв. было связано рождение гео-

политики как принципиально нового концептуального взгляда на природу и смысл мировых империалистических противоречий, англичанину Хэлфорду Джону Маккиндеру (1861—1947) принадлежит особое место. Скромный университетский преподаватель географии, он в течение своей долгой творческой жизни сумел сохранить позицию разумной трезвой середины, оставаясь, по существу, чуждым и славы шумного проповедника национальной имперской идеи, и репутации уединившегося от мира профанов эзотерика. То, что в его время существовало еще только в виде предчувствий и смутных идей, Х.Дж.Маккиндер, пожалуй, первым сумел выразить ясным рационалистическим языком науки, основываясь на строгом сопоставлении исторических и географических фактов. Свое видение пронизывающих мир геополитических взаимодействий ученый раскрыл через построение целостной "картины мира", впервые придавшей последнему характер устойчивой, исторически сложившейся силовой структуры.

Эта структура, по Х.Дж.Маккиндеру, прочно покоится на базе физической географии, на противопоставлении "суши" и "моря" — двух природных стихий, с которыми в течение тысячелетий было связано развитие человеческой цивилизации. Если в разделении "сухопутных" и "морских" народов и есть нечто мистико-символическое, то эти значения все-таки всецело принадлежат только собственным, внутренним закономерностям "высшего", идеального мира культуры. В принципе, если попытаться реконструировать связи детерминации между физико-географическим фундаментом истории и идеями национальной судьбы, то логика вызревания соответствующих культурных парадигм неизбежно обнаружит свою связь с топографией через механизм формирования различных типов исторической мобильности обществ, а, следовательно, через различные способы мобилизации их ресурсного потенциала в процессе борьбы за существование. Именно такое понимание дихотомии "суши" и "моря" было характерно для Х.Дж.Маккиндера, пришедшего к нему через специфику своего предмета.

Этим концепция Х.Дж.Маккиндера заметно отличается от немецкой геополитической традиции, в которой всегда была довольно сильна романтическая тяга к объяснению "континентальной" идеологии Германии из самой себя — из философского смысла "среднеевропейской" германской культуры, призванной "преодолеть в высшем единстве ее национального духа все противоположности духовной жизни Европы"¹. Одновременно взгляды английского геополитика обнаруживают в объяснении генезиса "сухопутных" и "морских" цивилизаций несомненные параллели с концепцией его младшего современника, выдающегося русского историка, географа и экономиста евразийской школы П.Н.Савицкого (1895—1968). Причем в данном случае мы имеем дело скорее не с заимствованием идей, а с их онтологическим сходством, прежде всего, в анализе культурогенетических свойств географической среды и выводах, следующих из обозрения многовековой пространственной динамики цивилизаций. Идея Х.Дж.Маккиндера о преемственной связи "давления", производимого номадическими племенами из степных глубин Евразии на окружающие ее "приморские" земли, с императивами территориального роста Московской Руси, а затем и Российской империи, по существу является "евразийской", хотя и окрашена она у него совсем иным пафосом. Симптоматично и то, что проецируемые Х.Дж.Маккиндером на историю новейшего времени геополитические закономерности экономически нашли свое подтверж-

дение в проведенном П.Н.Савицким блестящем анализе различий между "океанической" и "континентальной" моделями внешней торговли".

До сих пор самым сложным в обосновании особого аналитического метода геополитики остается вопрос о том, насколько и в какой своей части является научно состоятельным допускаемое ею натуралистическое объяснение истории, казалось бы, навсегда изжитое социальными науками к концу XIX в. Подспудно эту уязвимость геополитического метода ощущал и сам Х.Дж. Маккиндер. В конце концов, много размышляя над этой проблемой, он свел действие геополитических закономерностей, во-первых, к определенному, достаточно крупному, масштабу измерения исторического пространства и времени, во-вторых, не столько к самостоятельной сущности исторических процессов и явлений, сколько к их соотношениям, или корреляциям (см. следующую статью этого сборника). Неслучайно и сам процесс разработки оригинальной геополитической концепции растянулся у английского географа на несколько десятилетий, в течение которых он скрупулезно наблюдал, обобщал и уточнял факты, выстраивая их в линии геополитической судьбы народов и государств. И самым смыслом каждой из этих судеб становится не столько самодовлеющая внутренняя жизнь государства, сколько логика его существования и самоохранения во внешнем окружении подобных себе по масштабу центров силовой организации пространства.

Другое важное замечание, касающееся специфики геополитического метода, связано с военно-стратегическим аспектом силового соперничества государств. Именно в военном измерении их политики географически определенные пространственные и ресурсные факторы способны напрямую, или с минимумом опосредствующих звеньев, определять исход открытой силовой борьбы. Осознание этого факта, разумеется, происходило не сразу, но лишь по мере того, как борьба великих держав все более переносилась из тесной Европы на театры военных действий, охватывающие целые континенты и океаны, а военная доблесть уступала первенство крупномасштабному стратегическому планированию. Географически господствующие или, что не менее важно, защищенные позиции приобретали в этих условиях особую ценность.

Подобные — несколько прямолинейные — трактовки сущности геополитики сегодня имеют своих сторонников и в западной, и в российской политической мысли³. Безусловно, и для Х.Дж.Маккиндера военно-стратегический фактор был почти универсальным, весьма простым в процедурном отношении критерием геополитической устойчивости государств. Используемая им формула "геополитической уязвимости", выведенная из отношения размеров государственной территории и общей протяженности границ (сухопутных и морских) к ширине потенциальных "коридоров" вторжения, имеет много общего с формальными методами измерения, применяемыми в современной политической географии⁴. Однако для "отца" геополитики это была все-таки ограниченная в выводах, пояснительная абстракция, раскрывающая инвариантный сущностный признак геополитического субъекта; в главных же своих построениях и выводах Х.Дж.Маккиндер остается на почве анализа конкретного исторического и географического многообразия, выявления более сложных, системных геополитических взаимозависимостей.

Публикуемая ниже статья Х.Дж.Маккиндера "Круглый мир и

достижение мира" относится к числу его поздних работ: она была опубликована в июле 1943 г., в разгар второй мировой войны, в американском журнале "Foreign Affairs" ("Иностранные дела"), представлявшем актуальные материалы по вопросам мировой политики и международных отношений. Но именно это обстоятельство сообщает статье характер своеобразного творческого отчета, суммирующего научные выводы исследователя и — главное — позволяющего из рассказа самого автора, без лишних домыслов и предположений, проследить логику и этапы формирования его геополитической концепции. Особого значения исполнено и время выхода статьи в свет — время завершения коренного перелома в ходе войны в пользу держав антигитлеровской коалиции.

В этот период непрерывно питаемая ресурсами Урала и Сибири, далеко продвинутая на восток линия советской обороны, словно до предела сжатая пружина, обрела возвратную силу мощного контрнаступления против Германии. Одновременно англо-американские союзники увенчивают свое превосходство над врагом на морях созданием на подступах к Европе широкой сети опорных плацдармов, эшелонированных всей промышленной мощью Нового Света и связанных с последним надежными трансокеанскими коммуникациями. Тенденция была такова, что в ситуации колоссального военного напряжения (для Советского Союза едва ли не предельного) каждая из стран-участниц антинацистского наступления логикой борьбы вынуждена была развертывать в полную силу именно тот способ мобилизации ресурсов, который органически вытекал из ее первородной геополитической сущности — морской или континентальной. Этот момент истины, с полной ясностью открывшийся политикам и военным, сделал Х.Дж.Маккиндера в годы войны одним из самых ангажированных ученых-экспертов, слово которого в разработке перспективной стратегии войны отныне значило очень много. Вторая мировая война, таким образом, стала для английского географа временем подлинного научного триумфа.

Событийный контекст, логикой которого рождалась геополитическая концепция Х.Дж.Маккиндера, достаточно освещен им самим — от англо-русского позиционного противостояния в Азии в последней трети XIX в. до беспрецедентной по масштабам последней мировой войны. На наш взгляд, гораздо более существенны и не во всем еще до конца разгаданы и объяснены гносеологические особенности формирования взглядов Х.Дж.Маккиндера. Как известно, отправным моментом в анализе английским ученым геополитической структуры мира стало выделение им двух парных базисных понятий, лишь отчасти и условно определяемых морфологическим строением земной поверхности: "Мирового Острова", охватывающего всю громадную историческую сцену Евразийского мегаматерика, и омывающего последний "Мирового Океана" с гигантскими, но все-таки менее значимыми для мировой истории и политики "островами" — Африкой, Америкой, Австралией. (Уже из этого допущения видно, что структура мира по Х.Дж.Маккинтеру не базируется на чисто географических факторах и является в своей основе социоморфным образом). Дальнейшим концентрированным выражением континентальных свойств "Мирового Острова" у Х.Дж.Маккиндера становится понятие Хартлэнда — ландшафтно связанной, изолированной от морей сердцевины Евразии.

Географическое описание Хартлэнда, данное Х.Дж.Маккиндером, имеет свою достаточно жесткую логику, но оно, однако, не отвечает

на вопрос, почему именно эту часть суши он, европеец (к тому же европеец "островной" — британец), считал географической "осью" мировой истории и ключом к господству над "Мировым Островом". Географическим представлениям разных народов с глубокой древности были свойственны поиски подобной "оси", или "центра", Земли, и локализация таких территорий, как правило, следовала за историческим самосознанием отдельных народов и эпохи в целом. Поэтому помещение Х.Дж.Маккинндером географической "оси" мира в тогда еще "медвежьих углах" России и рассмотрение на этом фоне цивилизованной Западной Европы лишь в качестве одного из небольших полуостровов Евразийского материка выглядит поистине удивительным, особенно в свете господствовавшего тогда отчетливо европоцентристского мировоззрения.

Если, отвечая на эту загадку, попытаться вновь вернуться к чисто географическим критериям маккинндеровского геополитического структурирования мира, то и в этом случае методологические приоритеты географа не вполне объяснимы. Ведь почти в одно время с Х.Дж.Маккинндером совсем по-иному использовал тот же исходный географический материал американский адмирал А.Т.Мэхэн, объявивший геостратегическим "центром" мира морскую стихию — Атлантический океан, управляющий всей системой связей и отношений между Старым и Новым Светом⁶. Уже поэтому, кстати, с очень существенными оговорками Х.Дж.Маккинндера можно относить к "чистым" идеологам так называемого "атлантизма", или "талассократии" ("власти моря"), чем грешит современная популярная литература по геополитике. Мировоззренчески Х.Дж.Маккинндер все-таки опирался на некоторую среднюю объективистскую позицию, потому что в противовес американским идеологам "талассократии" и германским идеологам "теллутократии" ("власти земли") искал нечто более важное для целостного понимания и гармонизации мира, а именно — геополитическую структуру, обеспечивающую устойчивый баланс "морской" и "сухопутной" силы.

Безусловно, в параллельно выдвинутой Х.Дж.Маккинндером концепции "Срединного Океана" легко угадывается прообраз Североатлантического блока НАТО, но следует заметить, что этот геополитический конструкт рассматривался автором еще не столько в качестве геостратегического противовеса Хартленду, сколько в виде равновеликого ему по мощи западного фланга "удушения" германского агрессора. И даже с исчезновением в 1945 г. Германии как самостоятельного геополитического фактора и возникновения "холодной войны" геостратегическая оппозиция НАТО — Организация Варшавского Договора действительно, как показал исторический опыт, обеспечивала довольно строгий баланс сил в мире. По-видимому, именно в целостном понимании Х.Дж.Маккинндером мира как сбалансированной в силовом отношении дихотомической структуры и в прогнозируемой отсюда анатомии мировых конфликтов следует в конечном счете искать источник появления на свет концепции Хартленда. В помещении же земной "оси" не в Средней Атлантике, а в географическом сердце России можно видеть определенную переходную фазу в изменении господствующей геополитической "картины мира". Х.Дж.Маккинндер выступает здесь еще во многом традиционным европеистом (а не "атлантистом"), в раздумье остановившимся на полпути между признанием цивилизационной и геополитической зрелости Америки и осознанием потенциальной европейской уязвимости перед лицом растущего континентального колосса России.

Статья Х.Дж.Маккиндера "Круглый мир и достижение мира" публикуется с незначительными сокращениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. А.Лассона по: Деборин А.М. Об одной философско- исторической "концепции" германских империалистов // Новая и новейшая история. 1963. № 1. С. 133.

² См.: Савицкий П.Н. Россия — особый географический мир. Прага, 1927.

³ Kogorecky I.S. Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period // Economic Performance and the Military Burden in the Soviet Union. WASH., 1970. P. 267; Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 58-59.

⁴ См.: Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л., 1988. С. 56-57.

⁵ Spykman N.I. The Geography of the Peace. N.Y., 1944. P. 35.

Х.Дж.Маккиндер

КРУГЛЫЙ МИР И ДОСТИЖЕНИЕ МИРА *

Меня просили развить далее некоторые из тем, которые я поднимал в своих предыдущих произведениях, в особенности рассмотреть вопрос о том, потеряла ли моя стратегическая концепция "Хартленда"¹ что-либо в своем значении в условиях современной войны. Для того, чтобы эта концепция не выглядела в отрыве от контекста, я должен начать с краткого сообщения о том, как она первоначально возникла.

...Сентябрьский день 1870 г. Будучи еще совсем маленьким мальчиком, я увидел тогда прибитую к дверям почтовой конторы телеграмму с сообщением о том, что Наполеон III и вся его армия сдались пруссакам под Седаном. Для англичан, которые умственно еще пребывали целиком под впечатлением Трафальгара и отступления из Москвы, это был шок, но подлинный эффект этого события был осознан лишь несколько лет спустя². Превосходство Британии на морях тогда еще не было оспорено вызовом с чьей-либо стороны, и единственной опасностью, которую она в это время усматривала для своей заморской империи, была азиатская позиция России. В течение всего этого периода времени лондонские газеты спешили обнаруживать свидетельство русских интриг в каждом слухе, приходившем из Константинополя, и в каждом волнении племен, расселенных вдоль северо-западных границ Индии³. Британская морская мощь и русская сухопутная мощь находились в центре международной сцены.

Тридцатью годами позже, на рубеже столетий, фон Тирпиц начал строить германский океанический флот⁴. Я в это время был начинающим преподавателем политической и исторической географии в университетах Оксфорда и Лондона и как преподаватель фиксировал текущие события для последующего обобщения. Германская инициатива, как я увидел, означала, что нация, уже обладающая величайшей организованной сухопутной силой и занимающая центральное стратегическое положение в Европе, была близка к тому, чтобы добавить к этому потенциалу и морскую силу, достаточно значительную, чтобы нейтрализовать британскую мощь. Соединенные Штаты также уверенно входили в ряд Великих Держав. Однако до сих пор это восхождение могло быть отмечено только по статистическим таблицам, хотя еще в моем детстве кто-то уже восхищался ловкостью американцев, так как я припоминаю в нашей классной комнате изобра-

* Перевод с английского, подготовка публикации и комментарии осуществлены кандидатом исторических наук К.И.Зубковым.